

A full-length portrait of Joseph Stalin in a dark green military uniform with gold epaulettes and buttons. He has a mustache and is looking directly at the camera with a serious expression. His hands are clasped in front of him. On his chest are several medals, including the Order of the Patriotic War and the Order of the Star of Courage. The background shows a cloudy sky and industrial smokestacks in the distance.

Максим
Взор

Стальной
Декабрь

Максим Взор

Стальной декабрь

«Автор»

2026

Взор М.

Стальной декабрь / М. Взор — «Автор», 2026

Иосиф Сталин умирает на Ближней даче, но открывает глаза в теле полковника Павла Пестеля — идеолога восстания декабристов. Получив доступ к чужой памяти, связям и знанию о грядущем разгроме на Сенатской площади, новый хозяин тела решает переписать историю. Никаких красивых деклараций и жертвенного романтизма. Только холодный расчёт, жёсткая дисциплина и прагматизм человека, уже однажды построившего империю. Сталин заменяет дворянские споры точными приказами, создаёт теневую полицию, берёт под контроль гвардию и использует династический кризис, чтобы совершить переворот без кровопролития. Декабристы побеждают. Но настоящая битва начинается после триумфа. Как управлять огромной страной, если ты привык считать страх, тайну и принуждение нормальными средствами управления? Сможет ли архитектор тоталитарной машины XX века привести Россию к свободе и процветанию, не превратив её в гигантскую казарму? И что произойдёт, когда созданный им безжалостный механизм начнёт жить собственной жизнью?

© Взор М., 2026

© Автор, 2026

Максим Взор

Стальной декабрь

Глава 1. Последняя ночь и первое утро

Он умер не сразу.

Сначала исчезла речь. Потом потолок поплыл в сторону, лица склонившихся над ним людей вытянулись, словно отражения в кривом зеркале. Кто-то поднёс стакан, кто-то позвал врача. Последним ощущением стала тяжесть, лежавшая на груди.

Иосиф Сталин подумал, что смерть оказалась удивительно плохо организована.

Затем наступила темнота.

Он очнулся от стука.

Не осторожного, почтительного стука за кремлёвской дверью, а частого, деревянного. Так стучала неплотно пригнанная оконная рама. Ветер толкал её, отступал и снова принимался за дело.

Сталин открыл глаза.

Над ним висел низкий потолок. В комнате пахло воском, влажной шерстью и чернилами. За окном шумел осенний дождь.

Он попытался поднять руку. Рука поднялась легко.

Пальцы были длинными и сильными. Кожа — молодой. Ни следов старческой сухости, ни боли в суставах. Сталин медленно сел и увидел на стуле белую рубашку, тёмно-зелёный мундир и перевязь.

На столе лежали бумаги. Поверх них — раскрытая книга на французском языке.

Он встал. Пол оказался холодным. У стены висело небольшое зеркало.

Из зеркала смотрел высокий черноволосый мужчина лет тридцати с небольшим. Нос прямой, лоб широкий, подбородок твёрдый. Лицо было бледным, но совершенно незнакомым.

Сталин коснулся щеки.

Человек в зеркале повторил движение.

— Павел Иванович? — позвали за дверью. — Вы проснулись?

Имя ударило сильнее боли.

В голове возник образ: Петербург, пажеский корпус, война, кавалергардский мундир, разговоры при закрытых дверях. Потом другое слово — Пестель.

Павел Иванович Пестель.

Сталин отступил от зеркала и опёрся ладонями о стол. Чужие воспоминания хлынули сразу, без порядка. Отец, Сибирь, Тульчин, полковые смотры, тайные совещания, листы «Русской правды». Лица Волконского, Юшневского, Муравьёва-Апостола.

И ещё одно воспоминание, которое принадлежало уже не Пестелю.

Каземат. Следствие. Приговор. Верёвка.

Пятеро на эшафоте.

Он знал этих людей по учебникам. Знал дату выступления, знал площадь, знал неподвижные полки и смертельно раненного Милорадовича. Знал, что Пестеля арестуют прежде, чем начнётся восстание.

— Павел Иванович?

— Войдите.

Дверь приоткрылась. Молодой поручик замер на пороге.

— Вы приказали разбудить вас перед разводом.

Сталин некоторое время рассматривал его. Имя пришло из памяти Пестеля:

— Благодарю, Пётр Сергеевич. Развод проведите без меня. Скажите, что я занят полковыми ведомостями.

— Слушаюсь.

Поручик вышел.

Сталин взял со стола календарь. Сентябрь 1825 года.

До смерти Александра оставалось несколько месяцев. До ареста Пестеля — немного больше. До восстания — достаточно времени, если не терять ни дня.

Он подошёл к окну. Под дождём чернели крыши военного поселения. По дороге двигалась телега. Часовой у склада переступал с ноги на ногу, пряча подбородок в воротник.

Всё было примитивным, медленным и почти беззащитным. Приказы путешествовали неделями. Сведения зависели от памяти курьера. Власть держалась не на проводах и моторах, а на бумаге, присяге и привычке повиноваться.

Но люди оставались людьми.

Они боялись, завидовали, надеялись, предавали и искали того, кто скажет им, что делать.

Сталин вернулся к столу. Среди бумаг лежал список членов Южного общества. Рядом находился черновик конституционного проекта.

Он провёл пальцем по именам.

История уже вынесла этим людям приговор. Они просто ещё не знали об этом.

— Значит, — тихо сказал он, — придётся переписать.

И в глубине сознания возникла чужая мысль.

Не твоя страна.

Сталин замер.

Мысль была слабой, почти неразличимой. Но она не принадлежала ему.

Он посмотрел в зеркало.

— Теперь моя, — ответил он.

Глава 2. Опись поражения

К полудню на столе появились три стопки бумаг.

В первую Сталин положил сведения о людях. Во вторую — планы выступления. В третью — всё, что касалось доносов, расследований и подозрений правительства.

Затем он начал читать.

Поначалу чужой почерк раздражал его, но память тела помогала. Он узнавал сокращения, понимал намёки, вспоминал разговоры, которых никогда не слышал.

Южное общество имело офицеров, связи и программу. У него не было главного — механизма, способного действовать после первого же провала.

Каждый знал слишком много. У каждого имелось своё мнение. Почти никто не представлял, что должен делать в конкретный час.

Заговорщики говорили о России так, словно уже держали её в руках. Они обсуждали республику, землю, сословия и права народов, но не знали, кто займёт почту, кто сохранит казну и кто утром прикажет пекарям выпекать хлеб.

Это было не восстание.

Это был офицерский спор, которому по недоразумению придали форму тайного общества.

Сталин взял чистый лист и написал:

«Причины будущего поражения».

Первой была разобщённость.

Второй — отсутствие единого срока.

Третьей — надежда на импровизацию.

Четвёртой — чрезмерное доверие.

Пятой — неспособность обращаться к солдатам на понятном им языке.

Он задумался и добавил шестую:

«Руководители считают нерешительность нравственным достоинством».

В дверь постучали.

Вошёл Юшневский. Чужая память подсказала Сталину, что это один из самых близких к Пестелю людей: осторожный, образованный, привыкший сомневаться.

— Вы не были на разводе, — произнёс он.

— Был занят.

Юшневский посмотрел на стол:

— Обществом?

— Его ошибками.

— Вы опять хотите изменить программу?

— Программа ничего не стоит без людей, способных её исполнить.

Юшневский сел напротив.

— Люди у нас есть.

— Назовите человека, который возглавит общество после моего ареста.

Гость нахмурился:

— Почему после ареста?

— Потому что правительство уже знает достаточно. Вопрос не в том, начнётся ли следствие. Вопрос в дате.

— У вас есть сведения?

— Есть здравый смысл.

Юшневский помолчал.

— Если арестуют вас, руководство примет Директория.

— Кто именно?

— Решим на совещании.

— Значит, никто.

— Павел Иванович, общество свободных людей не может быть полком.

— Зато виселица устроена именно как полк. Там всё по порядку: следствие, приговор, конвой, эшафот.

Юшневский побледнел.

Сталин подвинул к нему лист.

— Нам нужны резервные руководители. Люди связи. Отдельная казна. Безопасные квартиры. Два независимых пути передачи приказов. И правило: если человек не выходит на связь двое суток, его обязанности переходят следующему.

— Это превратит общество в машину.

— Только машина способна пережить поломку одной детали.

— А кто будет управлять ею?

Сталин посмотрел на него.

Вопрос был разумным. Ответ — очевидным.

Но в глубине сознания снова шевельнулся внутренний голос:

Не для того мы хотели освободить Россию, чтобы отдать её новой машине.

Сталин медленно сложил лист.

— Пока что я, — сказал он. — Потом закон.

— А если вы и закон разойдётесь?

— Тогда посмотрим, кто из нас лучше подготовлен.

Юшневский не улыбнулся.

Глава 3. Исправленная «Русская правда»

Три ночи Сталин почти не спал.

Тело Пестеля выдерживало работу легко. Не было ни старческой усталости, ни тяжести в голове. Можно было часами читать при свече, ходить по комнате и снова садиться к столу.

Перед ним лежала «Русская правда».

Программа была смелой, подробной и слишком чистой. В ней Россия напоминала чертёж идеального города, созданный человеком, никогда не видевшим грязи на строительной площадке.

Сталин перечеркнул несколько страниц.

Крепостное право следовало отменить сразу. Не только ради справедливости. Пока помещик владел крестьянином, государство не могло обратиться к миллионам людей напрямую.

Но отдать землю одним указом было невозможно. Землю требовалось измерить, описать, разделить. Нужно было решить, кто получит лес, пастбища, мельницы, долговые обязательства и инвентарь.

Одно неверное распоряжение — и весной некому будет сеять.

Он написал:

«Личная свобода — немедленно. Земельный переход — поэтапно. Пользование существующими наделами сохраняется до решения земельных палат».

Затем занялся государственным устройством.

Пестель мечтал о республике и временной диктатуре, которая уничтожит старый порядок. Сталин понимал опасность временных учреждений: ничто не бывает долговечнее власти, объявившей себя временной.

Он записал срок — пять лет.

Рядом поставил условие: ежегодный отчёт перед Советом земель и городов.

Это ограничение ему не нравилось. Но оно могло убедить северян.

Следующим утром приехал Сергей Муравьёв-Апостол. Он вошёл быстро, с дорожным холодом на шинели.

— Говорят, вы переписываете Россию.

— Исправляю арифметику.

— У России, по-вашему, неверная сумма?

— У неё нет счёта. Никто не знает точно, сколько в ней людей, земли, долгов и чиновников.

Муравьёв снял перчатки.

— Людям нужна свобода, а не перепись.

— Человеку нужна свобода. Государству нужны сведения. Иначе вместо закона оно будет управлять слухами.

Гость прочитал страницу о земле.

— Помещики скажут, что мы их грабим.

— Крестьяне скажут, что мы оставили им слишком мало.

— И что вы предлагаете?

— Сделать так, чтобы обе стороны боялись потерять больше при нашем поражении.

Муравьёв поднял глаза.

— Вы изменились.

— В чём?

— Раньше вы доказывали. Теперь приказываете.

Сталин усмехнулся:

— Разве раньше я редко приказывал?

— Раньше вы хотели, чтобы с вами согласились.

Эта фраза заставила его насторожиться.

Он закрыл рукопись.

— Времени стало меньше.

— Почему?

— Потому что нас предадут.

Муравьёв не удивился.

— Кого вы подозреваете?
— Всех. Подозрение к одному человеку ослепляет. Надо исходить из того, что правительство однажды прочитает каждый наш лист.
— Тогда писать нельзя вообще.
— Писать можно. Нельзя хранить всё в одном месте.
Сталин передал ему несколько страниц.
— Выучите и сожгите.
— Что это?
— Порядок действий после моей смерти или ареста.
Муравьёв не взял бумаги.
— Вы говорите так, словно уже знаете, что произойдёт.
На мгновение Сталин увидел не комнату, а снег Сенатской площади. Чёрные фигуры полков. Мёртвого Милорадовича. Картечь.
— Знаю, — ответил он. — Если мы оставим всё как есть.

Глава четвёртая. Заговорщики и исполнители

Совещание состоялось в усадьбе, принадлежавшей дальнему родственнику одного из офицеров.

Хозяин уехал в Киев, прислугу отпустили. На дороге выставили двух наблюдателей. В большой комнате горели шесть свечей, хотя Сталин приказал оставить только две.

— Так нас видно снаружи, — сказал он.
Волконский пожал плечами:
— Здесь никого нет.
— Эта фраза погубила больше заговоров, чем доносы.
Одну свечу погасили.

За столом сидели двенадцать человек. Они ожидали обсуждения государственного устройства, но Пестель раздал им листы с вопросами.

Кто отвечает за полковую казну?
Кто способен принять командование без письменного приказа?
Сколько времени занимает путь курьера до Киева?
Кто из гражданских типографов согласится работать ночью?
Где хранятся запасные печати полковых канцелярий?
Сколько муки требуется гарнизону на три дня?
Вопросы вызвали недоумение.
— Мы собрались не для обсуждения муки, — заметил князь Барятинский.
— Солдат, не получивший хлеба, через два дня перестанет интересоваться конституцией.
— Но сначала надо решить, какая именно конституция...
— Нет. Сначала надо решить, кто доставит хлеб.

Волконский откинулся на спинку стула:
— Вы хотите превратить нас в квартирмейстеров.
— Я хочу превратить вас в победителей.

Сталин подошёл к стене, где висела карта.
— До сих пор общество строилось вокруг знакомств. Отныне оно будет строиться вокруг задач. Первая группа отвечает за связь. Вторая — за снабжение. Третья — за печать. Четвёртая — за переговоры с полковыми офицерами.

— А пятая? — спросил Муравьёв-Апостол.
— За наблюдение.
— За кем?
— За нами.

В комнате стало тихо.

Юшневский первым понял смысл:

— Внутренняя полиция?

— Внутренняя безопасность.

— Это одно и то же.

— Названия меняются в зависимости от того, кто составляет словарь.

Юшневский встал:

— Я не соглашусь на тайный надзор за членами общества.

— Тогда за вами будет следить правительство.

— Мы связаны честью.

— Честь не мешает человеку испугаться.

— И что произойдёт с теми, кого ваша группа сочтёт ненадёжными?

— Они перестанут получать сведения.

— А если ненадёжным объявят вас?

Сталин посмотрел на собравшихся. Некоторые отвели глаза. Другие ждали ответа.

— Тогда вы должны будете отстранить и меня.

Он сказал это спокойно. Именно поэтому слова прозвучали убедительно.

Однако внутренний голос отозвался почти насмешливо:

Позволишь ли?

Сталин продолжил:

— Каждый руководитель получит заместителя. Каждый приказ будет продублирован. Ни один человек не должен знать всех имён. Если связь со мной прекратится, общество продолжит действовать.

— Когда? — спросил Муравьёв-Апостол.

— Что — когда?

— Когда оно должно действовать?

Сталин повернулся к карте. Между Петербургом и южными полками лежали огромные расстояния. Не пространство было главным противником, а время.

— После смерти императора, — сказал он. — Прежде чем страна поймёт, кому присягать.

Никто не возразил.

Теперь они говорили не о далёкой республике. Они говорили о ближайшей зиме.

Глава пятая. Север и Юг

Посланник Северного общества назвался Михаилом Луговским. Имя было вымышленным, но человек — нет. Сталин помнил его лицо из памяти Пестеля, хотя прежде они встречались лишь однажды.

Луговский привёз письмо Рылеева и устные замечания Никиты Муравьёва.

Северяне не доверяли Пестелю. Они опасались его республиканского радикализма, централизации и намерения распустить все прежние учреждения. Самого Пестеля некоторые называли будущим диктатором.

Сталин прочитал письмо дважды.

— Они правы, — произнёс он.

Луговский удивился:

— В чём именно?

— В том, что не доверяют мне. Политика начинается с недоверия.

Они беседовали в маленькой комнате при почтовом дворе. За стеной кашлял смотритель, во дворе фыркали лошади.

— Северное общество не примет вашу «Русскую правду», — сказал посланник.

— Сейчас и не требуется.

— Тогда чего вы хотите?

— Совместного плана на первые семь дней.

— Только на семь?

— В первый день надо получить власть. Во второй — удержать улицы. В третий — накормить столицу. В четвёртый — добиться признания провинций. До пятого дня обычно доживают только те правительства, которые заранее думали о третьем.

Луговский положил ладонь на письмо.

— Рылеев хочет знать, кто возглавит временное правление.

— Коллегия.

— Из кого?

Сталин назвал семь фамилий. В список вошли представители обоих обществ, два известных сановника умеренного направления и один человек, вовсе не состоявший в заговоре.

— Почему семь? — спросил Луговский.

— Чтобы решения нельзя было разделить поровну.

— А кто станет председателем?

— Тот, кто будет находиться в столице и сохранит управление.

— Вы?

— Если успею приехать.

Посланник внимательно посмотрел на него:

— Говорят, вы не соглашаетесь на конституционную монархию.

— Я не соглашался.

— Что изменилось?

— Раньше мы спорили о том, какая власть лучше. Теперь надо решить, как не попасть на виселицу.

Луговский помолчал.

— Допустим, мы победим. Что произойдёт с великим князем Николаем?

— Ему предложат отказаться от престола и покинуть столицу.

— А если откажется?

— Его изолируют.

— Константин?

— Уже отказался, хотя страна этого не знает. Именно поэтому появится окно между двумя присягами.

Луговский резко поднял голову:

— Откуда вам известно об отказе?

Сталин понял, что сказал лишнее. Тайное отречение Константина было известно лишь немногим.

— Есть сведения из Варшавы.

— Надёжные?

— Достаточно.

Луговский убрал письмо.

— А если Александр проживёт ещё десять лет?

— Не проживёт.

— Вы и это знаете?

Сталин не ответил.

На следующий день посланник уехал на север. Он вёз предложение, от которого Рылееву и Муравьёву будет трудно отказаться: обе стороны временно отказываются от навязывания собственной конституции, создают общее правительство и назначают выборы Учредительной палаты через два года.

Сталин смотрел вслед удалявшейся коляске.

Два года были обещанием.

Пять лет — его настоящим расчётом.

А сколько продлится временная власть после этого, зависело от того, насколько послушной окажется новая Россия.

Глава шестая. Весть из Таганрога

Первые сведения пришли неофициально.

Один из офицеров получил письмо от родственника, служившего при дворе. Государь простудился. Врачи беспокоились. Императрица находилась рядом.

Через четыре дня второе письмо сообщило, что болезнь серьёзна.

Сталин приказал проверить готовность курьеров.

— Ещё ничего не произошло, — возразил Юшневский.

— Когда произойдёт, будет поздно готовиться.

Вечером они снова собрались в доме на окраине Тульчина. Дождь сменился мокрым снегом. На столе лежала карта почтовых трактов.

Сталин распределил маршруты.

Один курьер направлялся в Киев. Другой — через Москву в Петербург. Третий должен был ехать западнее, меняя лошадей на заранее выбранных станциях.

— Все трое повезут одно сообщение? — спросил Волконский.

— Нет. Каждый повезёт часть. Полный смысл станет понятен только тем, у кого уже есть прежние инструкции.

— Вы никому не доверяете, — заметил Юшневский.

— Доверяю. Но не заставляю людей быть сильнее, чем они есть.

Двадцать девятого ноября прибыл запыханный чиновник с официальным пакетом.

Александр I умер в Таганроге.

Новость уже шла к Петербургу, но страна ещё жила при императоре, которого больше не существовало.

Собравшиеся молчали.

Некоторые перекрестились. Кто-то подошёл к окну. Муравьёв-Апостол первым спросил:

— Начинаем?

Сталин взглянул на часы.

Он ждал этого дня. Знал о нём почти сто тридцать лет. Но теперь история находилась не в книге. На улице ржали живые лошади. У двери стоял часовой. Люди смотрели на него и ждали решения.

— Пока нет.

— Почему?

— Сначала Петербург присягнёт Константину.

— Но Константин отказался.

— Тем лучше. Несколько недель Россия будет повиноваться человеку, который не желает ею править. Затем Николай потребует новой присяги. Вот тогда офицерам придётся объяснять солдатам, почему вчера законным императором был один брат, а сегодня стал другой.

Волконский провёл пальцем по карте:

— Мы выступаем в день второй присяги?

— Север выступает раньше. Он не должен позволить Сенату присягнуть Николаю.

— А мы?

— Поднимаем полки, объявляем о признании Временного совета и движемся к губернским центрам. Без грабежей, без расправ, без самовольных реквизиций.

Муравьёв-Апостол усмехнулся:

— Солдатам придётся читать целую лекцию.

— Нет. Солдатам скажут четыре вещи. Срок службы будет сокращён. Телесные наказания отменяются. Семьи крепостных получают свободу. Жалование выплачивается полностью.

— А офицерам?

— Что их чины и имущество сохраняются, если они подчинятся Временному совету.

Юшневский посмотрел на него с тревогой:

— Вы обещаете всем всё.

— Я обещаю каждому то, что заставит его не мешать в первые дни.

Внутренний голос Пестеля отозвался с непривычной ясностью:

А после первых дней?

Сталин подошёл к окну. Снег падал на тёмную землю и сразу таял.

— После первых дней, — произнёс он, — начнётся самое трудное.

— Что именно? — спросил Муравьёв.

Сталин повернулся.

— Управление Россией.

Глава седьмая. Три конверта

На столе лежали три конверта.

Первый был запечатан красным воском. Второй — чёрным. Третий не имел печати.

В красном находился план для Северного общества. Он начинался словами:

«Не выводить полки на площадь без определённой цели».

Далее перечислялись учреждения, которые следовало взять под контроль до рассвета: Сенат, почтовое управление, государственный банк, главная типография, подъезды к Зимнему дворцу и штаб гвардейского корпуса.

Сталин особенно подчеркнул: толпа не должна оставаться без приказов. Каждый полк получает точное место, командира и резервную задачу. Если Сенат уже присягнул, его членов не следует уговаривать на площади — надо собрать их внутри здания и предложить новый акт.

В чёрном конверте находились указания на случай ареста Пестеля.

Руководство Южным обществом переходило не к одному человеку, а к тройке: Муравьёву-Апостолу, Бестужеву-Рюмину и Волконскому. Для принятия решения требовались две подписи. Если один исчезал, его место занимал заранее определённый заместитель.

Третий конверт содержал список.

Рядом с каждым именем стояла краткая пометка:

«Надёжен, но медлит».

«Смел, зависим от чужого мнения».

«Способен командовать, не умеет скрывать намерений».

«Вероятная связь с правительством».

Последнее имя Сталин подчеркнул дважды.

Майборода.

Из памяти Пестеля он знал, что именно этот человек напишет донос, после которого начнутся аресты. Но одного знания было недостаточно. Нельзя было схватить офицера только за то, что он совершит в будущем.

Зато можно было дать ему сведения, которые легко проверить.

Майбороде сообщили о несуществующем совещании в Киеве. Если правительственные агенты появятся там, подозрение превратится в доказательство.

— Курьеры готовы, — сказал вошедший Муравьёв-Апостол.

— Кто едет на север?

— Поручик Ланской и корнет Одоевцев. Третий маршрут предложил взять Чернышёв.

Сталин поднял голову:

— Нет.

— Почему?

— Он слишком любопытен.
— Любопытство ещё не измена.
— Но подходящая для неё дверь.
Муравьёв подошёл к столу и посмотрел на конверты:
— Какой из них главный?
— Ни один.
— Тогда зачем три?
— Если перехватят один, враг получит неполную картину. Если два — решит, что получил полную. Третий должен прийти обязательно.
— Кому вы его доверите?
— Вам.
Муравьёв нахмурился:
— Я нужен здесь.
— Поэтому вы поедете не в Петербург. Доставите пакет в Киев и вернётесь. Оттуда его повезёт человек, которого не знают члены общества.
— Кто?
— Купец.
Муравьёв рассмеялся:
— Российскую революцию спасёт торговец?
— России всё равно придётся научиться уважать торговцев.
Смех исчез с лица офицера.
— Павел Иванович, скажите честно: что вы намерены сделать после победы?
— Освободить крестьян.
— После этого?
— Пересчитать землю.
— Потом?
— Создать суды, которые не принадлежат губернаторам. Открыть школы. Заменить подушную подать налогом на имущество и доход. Разрешить городам выбирать управы. Дать Польше и Финляндии собственные представительные собрания.
— И всё это сделает временное правительство?
— Оно начнёт.
— А кто заставит его закончить?
Сталин не ответил сразу.
За окном лошади били копытами по мёрзлой земле. Курьеры ждали.
— Закон, — наконец произнёс он.
Внутренний голос спросил:
Или ты?
Сталин передал Муравьёву третий конверт.
— Если меня арестуют, не пытайтесь освободить. Не меняйте сроков. Не собирайте общее совещание. И не верьте никаким новым приказам за моей подписью.
— Даже настоящим?
— Особенно настоящим. Арестованный руководитель уже не руководитель.
Муравьёв спрятал пакет под мундир.
— Вы рассуждаете так, словно были арестованы прежде.
— Можно сказать и так.
Через час первый курьер выехал на север. За ним отправился второй. Муравьёв двинулся к Киеву.
Сталин остался у ворот и долго смотрел на пустую дорогу.

Где-то далеко от Тульчина готовились чиновники, сенаторы, великие князья и генералы. Каждый полагал, что будущее принадлежит ему по праву рождения, звания или присяги.

Никто из них ещё не понимал, что будущее уже разделили на три конверта и отправили разными дорогами.

Снег густел.

До второй присяги оставалось меньше месяца.

Глава восьмая. Император, которого нет

Известие пришло не с курьером, а с обозом, вместе с мешками муки и бочками солёной рыбы.

Письмо было написано на простой бумаге, без сургучных печатей, и содержало лишь одну фразу, переписанную рукой купеческого приказчика: «Государь Александр Павлович в Таганроге ноября девятнадцатого числа Богу душу отдали».

Сталин перечитал строчку дважды.

Он не чувствовал ни торжества, ни облегчения. Смерть императора была не победой, а лишь первым тактом метронома, отсчитывающего время до развязки. История, которую он помнил, начинала буксовать. В его памяти Александр умирал, страна замирала, и начиналась нелепая, унижительная чехарда с присягами, закончившаяся картечью на Сенатской площади.

Но теперь историю предстояло переписать чернилами и штыками.

В комнату вошёл Юшневский. Он был бледен, его руки дрожали, хотя в кабинете было жарко натоплено.

— Вы знали, — тихо сказал он, глядя на листок в руках Сталина. — Вы говорили об этом ещё в сентябре. Как вы могли знать?

— Я не знал. Я предполагал, — ровным голосом ответил Сталин, аккуратно складывая письмо и убирая его в ящик стола. — Государь давно был болен. А империя, которой управляет больной человек, всегда умирает внезапно.

— Что нам делать?

Юшневский looked around, as if expecting the walls to start listening.

— Ждать. Петербург теперь будет присягать Константину.

— Константин в Варшаве. И он не хочет трона.

— Это знаем мы. И знает узкий круг в столице. Но страна об этом не узнает ещё месяц.

Сталин подошёл к окну. Снаружи, в сумерках раннего зимнего вечера, ветер гнал по плацу колючую снежную крупу.

— В чём сила государства, Алексей Петрович? — спросил он, не оборачиваясь.

Юшневский нахмурился, застигнутый врасплох странным вопросом.

— В законе. В традиции. В присяге.

— Нет, — Сталин медленно повернулся. — В привычке. Чиновник подписывает бумагу, потому что вчера подписывал её предшественник. Солдат марширует, потому что рядом марширует другой солдат. Государство — это огромная, тяжёлая машина, которая едет по инерции. Но сейчас императора нет. А тот, кто должен занять его место, отказывается. Машина потеряла управление. Она катится под уклон.

— И вы хотите столкнуть её в пропасть?

— Я хочу сесть за руль, пока другие спорят, кому принадлежит экипаж.

Сталин сел за стол и придвинул к себе чистый лист.

Внутренний голос, голос настоящего Пестеля, шевельнулся в глубине сознания, полный тревоги и отворачивания:

Ты пользуешься смертью. Ты спекулируешь на трауре. Это подло.

Сталин мысленно усмехнулся. Подлость была категорией морали, а мораль не помогала удерживать власть.

Я пользуюсь временем, — ответил он самому себе. Смерть одного человека — это лишь повод для переписи населения.

Он начал писать директиву для Северного общества. Писал быстро, чётко, без лишних слов.

«Князь Константин отказался от престола, но акт отречения скрывается. Империя оказалась в состоянии междуцарствия. Присяга тени — вот что ждёт столицу. Использовать дни неопределённости. Не ждать окончательного решения между Константином и Николаем. Начать переговоры с гвардейскими офицерами, сенаторами и столичными чиновниками немедленно. Власть не терпит пустоты, но она ещё больше боится того, кто первым решится эту пустоту заполнить».

Он перечислил конкретные шаги. Не митинги. Не речи на площадях. А тихие визиты. Обеды с командирами батальонов. Напоминания о долгах и невыплаченных премиях. Обещания сохранения чинов и поместий для тех, кто не будет мешать.

Северяне любили красивые слова о Свободе и Отечестве. Но Сталин знал, что людей покупают не идеи. Людей покупает уверенность в завтрашнем дне.

— Курьер уйдёт через час, — сказал Сталин, посыпая песок на чернила. — Он повезёт это Рылееву и Трубецкому.

Юшневский смотрел на него с нескрываемым страхом.

— Павел Иванович... если мы начнём переговоры сейчас, это будет выглядеть как мятеж против ещё живого порядка.

— Порядка больше нет, — Сталин запечатал конверт. — Есть только страх перед будущим. И мы должны стать теми, кто этот страх организует.

Когда курьер уехал, Сталин остался один. Он посмотрел на своё отражение в тёмном оконном стекле. Молодое, твёрдое лицо декабриста смотрело на него с холодным спокойствием палача.

Императора не было. Но государство оставалось. И оно требовало нового хозяина.

Глава девятая. Ночь типографий

Петербург задыхался от сырости и тревоги.

Смерть Александра I официально подтвердилась, но столица жила в состоянии лихорадочного бреда. Гвардейские офицеры шептались в кулуарах, чиновники сжигали старые бумаги, а на улицах патрулировали усиленные наряды конной полиции, сами не знающие, кого именно они охраняют.

В подвале дома на Екатерининском канале, скрытом от посторонних глаз высокими заборами, пахло свинцом, машинным маслом и свежей краской.

Кондратий Рылеев стоял у печатного станка, держа в руках только что оттиснутый лист. Его лицо, обычно вдохновлённое и романтическое, сейчас выражало глухое раздражение.

— Это не манифест, — тихо сказал он, обращаясь к Александру Бестужеву, который вытирал испачканные чернилами руки тряпкой. — Это... долговая расписка. Где дух? Где призыв к пробуждению нации? «Крепостное право отменяется. Собственность горожан сохраняется». Это язык лавочника, а не освободителя!

Бестужев усмехнулся, но в его улыбке не было веселья.

— Лавочник кормит страну, Кондратий Фёдорович. А поэт её только утешает. Вы читали инструкции из Тульчина?

— Читал. И не согласен с ними. Пестель превращает революцию в хозяйственную реформу.

— Пестель превращает революцию в победу, — жёстко парировал Бестужев. — Помните, что он писал в последнем письме. «Толпа не читает од. Толпа читает приказы. Солдат не умрёт за Свободу, о которой он ничего не знает. Но он пойдёт за того, кто отменит шпицрутены и выплатит жалование».

Рылеев тяжело вздохнул и снова посмотрел на лист.

Текст был сух, беспощаден и кристально ясен. Никаких пространных рассуждений о тирании и деспотизме. Никаких цитат из Руссо или Монтескьё.

Четыре пункта.

Первый: личная свобода крестьянам немедленно. Земля остаётся в пользовании общин до созыва Земских палат. Помещичья собственность на инвентарь и строения гарантируется.

Второй: купечеству и мещанам гарантируется неприкосновенность капиталов, лавок и домов. Налоги не повышаются.

Третий: солдатам и унтер-офицерам гвардии и армии срок службы сокращается до десяти лет. Телесные наказания отменяются под страхом трибунала. Жалование выплачивается из казны немедленно.

Четвёртый: мародёрство, грабежи и самовольные расправы караются расстрелом на месте преступления.

— Он лишил нас поэзии, — пробормотал Рылеев.

— Он дал нам инструмент, — ответил Бестужев, забирая лист и передавая его рабочему для тиражирования. — Пестель прав. Если мы выйдем на площадь с криками «Да здравствует Конституция!», нас расстреляют как бунтовщиков. Если мы выйдем с этими листами, нас встретят как новых начальников, которые наконец-то наводят порядок.

К полуночи станок остановился. Три тысячи экземпляров были упакованы в промасленную бумагу и разложены по холщовым сумкам.

Каналы и переулки Петербурга были пустынные. Лишь изредка скрипели полозья ночных извозчиков да лаяли дворняги.

Группы по три человека — переодетые в гражданское платье офицеры и проверенные унтер-офицеры — расходились по городу. Они не расклеивали листовки на стенах, чтобы их не сорвала полиция. Они вкладывали их в руки.

На Сенной рынок, где уже начиналась ночная разгрузка возов с мукой, пошли «купцы». Они сунули листы приказчикам и старостам артелей.

В казармы Измайловского и Московского полков пошли свои. Часовых на постах сменяли на время, чтобы в караульные помещения могли войти доверенные люди. Они не произносили речей. Они просто оставляли бумагу на столах, где солдаты играли в карты или чинили амуницию.

— Что там? — спросил сонный унтер-офицер, шурясь на свет сальной свечи.

— Читай. Только тихо, — ответил гость, исчезая в тени коридора.

Грамотных в казармах было немного, но они нашлись. Фельдфебель, морща лоб, медленно, по слогам читал своим товарищам:

— «...телесные наказания отменяются... жалование выплачивается полностью...»

Казарма замерла.

— Это кто написал? Государь?

— Государя нет, — тихо ответил фельдфебель, пряча листок за обшлаг мундира. — Теперь мы сами по себе. Но кто-то за нас заступился.

— А если офицеры не согласятся?

— Значит, офицеров больше нет.

В эту ночь Петербург не вспыхнул пожаром бунта. Он тихо, незаметно перешёл в другие руки. Страх перед неизвестностью сменился расчётом. Люди, привыкшие подчиняться силе, почувствовали, что сила теперь на другой стороне. И эта сторона обещала не рай на земле, а просто сытый желудок и целую спину.

В подвале на Екатерининском канале Рылеев смотрел на пустой станок.

Мы победи? — подумал он с внезапной, холодной тоской. Или мы просто сменили одного надзирателя на другого, более умного?

Но отвечать на этот вопрос было уже некогда. До рассвета оставалось три часа.

Глава десятая. Сенат до рассвета

Здание Сената и Синода на берегу Невы напоминало спящего великана. Массивные колонны, огромные арки, длинные анфилады кабинетов — всё было создано для того, чтобы подавлять маленького человека величиим имперского закона.

Но в пять часов утра десятого декабря закон ещё спал.

Капитан гвардии Александр Якубович, человек с тяжёлым взглядом и шрамом на щеке, стоял у чёрного хода, ведущего в архивы. Рядом с ним молча переминались с ноги на ногу двенадцать гренадёров в серых шинелях, без кокард на киверах.

— Дверь, — коротко бросил Якубович.

Один из солдат, бывший слесарь, за минуту справился с тяжёлым замком. Дверь бесшумно отворилась.

Группа скользнула внутрь.

План, разработанный в Тульчине, был прост до гениальности. Декабристы старой закалки мечтали вывести полки на Сенатскую площадь и заставить сенаторов выйти к народу, чтобы те публично, перед толпой, отреклись от старого режима.

Сталин, читая эти планы в теле Пестеля, лишь кривил губы.

Толпа пугает чиновников. Они забаррикадируются и вызовут артиллерию. Чиновник труслив, но он любит стены. Идите к нему в кабинет.

К шести часам утра в здание начали прибывать первые сановники. Им было предписано явиться для подготовки к переприсяге Николаю Павловичу.

Сенаторы, важные, закутанные в бобровые шубы, с ленточками через плечо, поднимались по парадной лестнице, ворча на ранний час и слякоть на улицах.

Но у дверей в Большой зал их встречали не лакеи в ливреях, а офицеры с обнажёнными палашами.

— Господа, что это значит? — возмущённо вскричал тайный советник граф Завадовский, останавливаясь как вкопанный. — Где обер-прокурор? Почему караул не в форме?

— Караул сменён, ваше сиятельство, — спокойно ответил Якубович, выступая вперёд. — Прошу пройти в зал заседаний. Там уже собираются ваши коллеги.

— Я требую объяснений! Это бунт!

— Это государственная необходимость, граф. Идите. И не повышайте голос, здесь плохая акустика.

В Большом зале уже находилось около сорока сенаторов. Они стояли группами, бледные, растерянные, переговариваясь шёпотом. Двери были заперты изнутри. У каждого окна стоял часовой.

За председательским столом, покрытым зелёным сукном, сидел князь Сергей Трубецкой. Он был бледен, но держался прямо. Перед ним лежал толстый документ, переплетённый в красный сафьян.

— Господа сенаторы, — громко произнёс Трубецкой, и гул в зале стих. — Императора Александра Павловича нет в живых. Великий князь Константин отрёкся от престола. Великий князь Николай не имеет законных прав на корону, ибо престол должен перейти к Учредительному собранию, выражающему волю народа.

— Вздор! — выкрикнул кто-то из задних рядов. — Присяга принесена!

— Присяга принесена тени, — парировал Трубецкой. — Россия осталась без власти. И чтобы избежать анархии, кровопролития и иностранного вмешательства, Общество берет на себя ответственность за сохранение государства.

Трубецкой положил руку на красный переплёт.

— Перед вами Акт о создании Временного верховного совета. В нём guarantees (гарантируются) неприкосновенность ваших сословных прав, собственности и чинов. От вас требу-

ется лишь одно: подписать этот Акт и признать Временный совет высшей властью до созыва Учредительной палаты.

Зал взорвался. Крики, проклятия, требования немедленно выпустить их.

Но Якубович и его гренадёры стояли неподвижно, словно изваяния. Их молчание было страшнее любых угроз.

— Господа, — раздался новый голос. Из тени колонн вышел человек в штатском, с умным, цепким лицом. Это был Евгений Оболенский, взявший на себя роль переговорщика. — У вас есть выбор. Первый: вы подписываете Акт. Вы остаётесь на своих местах, получаете жалование и продолжаете управлять империей под надзором Совета. Второй: вы отказываетесь. В этом случае вы объявляетесь врагами государственного порядка. Ваши имущества конфискуются, а вы сами препровождаетесь в Петропавловскую крепость. Третий: вы пытаетесь бежать или оказать сопротивление. Мои солдаты получили приказ стрелять на поражение.

Сталин, составляя этот план, знал психологию бюрократии лучше, чем кто-либо. Чиновник не герой. Чиновник — хранитель статуса. Угроза потерять имение и кресло действовала на них сильнее, чем страх смерти. Смерть была абстракцией, а потеря власти — катастрофой.

Первым сломался старый генерал-аншеф, чьи ноги уже не держали от подагры. Он тяжело подошёл к столу, взял перо и, не глядя на Трубецкого, царапнул свою подпись.

За ним потянулись другие. Те, кто был помельче чином, те, кто имел долги, те, кто просто хотел жить.

Но были и те, кто отказался.

Граф Завадовский и ещё трое консерваторов гордо заявили, что скорее умрут, чем предадут присягу.

— Ваш патриотизм делает вам честь, — сухо сказал Оболенский. — Капитан Якубович, препроводите этих господ в Восточное крыло. В архивы. Заприте двери и выставьте караул. Они останутся там до особого распоряжения Совета. Никакой еды и воды, пока они не передумают. Или пока мы не решим, что делать с предателями народа.

Сановников увели. Двери зала снова закрылись.

Трубецкой смотрел на стопку подписанных листов. Чернила ещё не высохли.

Мы сделали это, — подумал он с чувством нереальности происходящего. Мы захватили Россию, не сделав ни единого выстрела.

Но где-то в глубине его души, под слоями дворянской гордости и романтического восторга, шевельнулось смутное, липкое чувство тревоги. Они действовали по планам Пестеля. Они использовали его методы: шантаж, изоляцию, холодный расчёт.

Они победили старый мир его же оружием.

Но кто теперь будет править этим новым миром? Те, кто мечтал о Свободе? Или тот, кто написал этот безжалостный, идеальный механизм захвата власти?

На улице, за толстыми стенами Сената, уже начинался рассвет. Серый, петербургский, равнодушный рассвет.

Полки выходили из казарм. Но они шли не на площадь, чтобы кричать лозунги. Они шли занимать мосты, почту, банки и дворцы.

Машина, запущенная в Тульчине, начала свой ход. И остановить её было уже невозможно.

Глава одиннадцатая. Дворец без государя

Путь от Тульчина до Петербурга занял девять суток.

Сталин не ехал в кибитке с колокольчиком и не пользовался подорожными грамотами на имя полковника Пестеля. Он купил в Киеве у еврея-фактора место в крытой повозке купеческого обоза, переоделся в тулуп приказчика, отпустил бороду и всю дорогу молчал, наблюдая за тем, как медленно и неохотно просыпается империя.

Станционные смотрители брали взятки, не глядя в лица. Ямщики пили водку, ругали начальство и спали на облучках. Казна, почта, воинские команды — всё это существовало само по себе, не замечая, что император мёртв, а власть уже сменила хозяина.

В Твери обоз остановился из-за сломанной оси. Сталин зашёл в трактир и сел у окна. За соседним столом два армейских поручика играли в карты и громко обсуждали столичные новости.

— Говорят, в Петербурге бунт. Гвардия присягнула Константину, а Николай заперся в дворце.

— Ерунда. Гвардия присягнула Совету. Как его там... Временному.

— А это кто такие?

— Чёрт их знает. Офицеры какие-то. Говорят, крепостных освободили.

— Да ну? И что помещики?

— А что помещики? Им обещали выкуп. Казной. Они теперь сидят и считают, сколько им причитается.

— Значит, порядку не будет.

— Наоборот. Порядок есть. Хлеб в лавках по старой цене. Полиция не лезет. Только патрули гвардейские на каждом углу.

Поручик сдал карты и задумчиво добавил:

— Странная штука, братец. Революция, а страшно не жить, а опоздать к новому жалованию.

Сталин усмехнулся, отпивая кислые щи.

Машина работала. Механизм, который он собрал из чужих рук, чужих чернил и чужой памяти, крутился сам, без его надзора. Это пугало больше, чем радовало. Любая машина, оставленная без смазки, начинала перемалывать своих создателей.

К десятому декабря повозка въехала в Петербург через заставу, где сонный унтер-офицер лениво глянул на фальшивый купеческий паспорт и махнул рукой.

В городе было тихо.

Слишком тихо для столицы, переживающей переворот.

Сталин прошёл по Невскому проспекту, не узнавая его. Витрины были открыты. Извозчики спорили о ценах. Дворники скалывали лёд. Лишь у перекрёстков стояли небольшие группы солдат в серых шинелях, с ружьями на плечах. Они не кричали, не агитировали. Они просто стояли, как столбы новой разметки.

В доме на Миллионной улице, который заранее снял Бестужев, его уже ждали.

Трубецкой, Оболенский, Рылеев. Все трое выглядели так, словно не спали неделю. Трубецкой постарел, щёки ввалились. Рылеев был возбуждён и нервен. Оболенский оставался спокоен, но в его глазах появилась та жёсткая, цепкая внимательность, которая бывает у людей, научившихся отдавать приказы.

— Вы приехали, — сказал Трубецкой, протягивая руку.

— Я приехал, — ответил Сталин, снимая тулуп. — Что с дворцом?

Оболенский подошёл к столу и развернул план Петербурга.

— Зимний окружён. Гренадёрский и Финляндский полки заняли Дворцовую набережную. Преображенцы стоят у Адмиралтейства. Выходы перекрыты. Но мы не вошли внутрь.

— Почему?

— Там императрица-мать. Великие княжны. Дети. Мы не можем стрелять в женщин и детей, Павел Иванович. Это не по-русски.

Сталин посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом.

— Русских царей убивали не по-русски. И русских царей свержали не по-русски. Дворец — это не дом, Евгений Петрович. Это символ. А символ нужно либо охранять, либо ломать. Третьего не дано.

— Мы предложили им безопасность, — вмешался Рылеев. — Они могут остаться во дворце под домашним арестом. Или уехать в Гатчину. Мы не звери.

Внутренний голос Пестеля отозвался глухим упрёком:

Мы хотели свободы, а не дворцового переворота. Ты ведёшь себя как Бонапарт.

Сталин проигнорировал голос.

— Кто внутри дворца?

— Николай, — сказал Оболенский. — Он не бежал. Он заперся в личных покоях с верными адъютантами. Пытается рассылать приказы.

— И что?

Оболенский усмехнулся уголком рта.

— Наши люди на почте. Наши люди в штабе. Наши люди в конюшнях. Его курьеры уезжают, но до адресатов не доезжают. Его приказы переписываются нашими писарями. Вчера он послал гонца к генералу Воинову с приказом вывести артиллерию. Гонца перехватил наш патруль. Мы вернули его во дворец с запиской: «Генерал Воинов признал Временный совет. Просьба не беспокоить по пустякам».

Трубецкой нервно рассмеялся:

— Это жестоко.

— Это гигиена, — возразил Сталин. — Власть, которая не может выйти за порог собственной спальни, перестаёт быть властью. Она становится заключённой.

Он подошёл к окну. Зимний дворец виднелся в просвете улицы, огромный, жёлтый, безмолвный.

— Что он делает?

— Ждёт, — сказал Оболенский. — Ждёт, что кто-то придёт его спасать. Ждёт, что гвардия одумается. Ждёт, что народ восстанет против нас.

— Народ не восстанет. Народу мы дали хлеб и обещали землю.

— А гвардия?

— Гвардия уже выбрала.

Сталин повернулся к ним.

— Я хочу поговорить с ним.

Все трое замерли.

— С кем? — тихо спросил Рылеев.

— С Николаем.

— Вы сошли с ума! Это безумие! Он вас арестует, застрелит...

— Он не может меня арестовать. У него нет тюремщиков. Он не может меня застрелить, потому что боится, что его самого застрелят его же часовые. Он заперт в клетке, которую мы построили. И он это знает.

— Зачем вам это?

Сталин помолчал, подбирая слова, которые они могли бы понять.

— Потому что он законный наследник. Пока он жив и не отрёкся, половина провинции будет считать нас узурпаторами. Он должен подписать отречение. Публично. Добровольно. С печатью.

— Он не подпишет.

— Подпишет, — уверенно произнёс Сталин. — Николай Павлович — человек долга и формы. Если ему показать, что форма на нашей стороне, он подчинится. Ему нужно сохранить лицо. Мы ему это лицо сохраним.

Оболенский нахмурился:

— А если он откажется?

— Тогда мы покажем стране, что отказался он. И что мы вынуждены действовать без него.

Внутренний голос снова шевельнулся:

Ты лжёшь. Ты не отпустишь его. Ты сломаешь его, как ломал всех.

Сталин сжал челюсти.

Я делаю то, что необходимо, — ответил он голосу. Ты хотел свободы для России. Я даю тебе свободу от хаоса.

— Я пойду к нему сегодня вечером, — сказал Сталин. — Один. Без конвоя.

— Это самоубийство, — прошептал Трубецкой.

— Это политика, князь. А политика — это всегда самоубийство, только медленное.

Вечером, когда над Невой сгустились сумерки, Сталин в одиночку подошёл к малым воротам Зимнего дворца.

Часовые из Финляндского полка пропустили его молча, козырнув. Один из них, совсем молодой солдат с румяными щеками, робко спросил:

— Ваше благородие... а правда, что царя больше нет?

Сталин остановился.

— Правда, сынок.

— А кто теперь будет?

— Будет тот, кто сможет.

Внутри дворец был пуст и гулок. Лакеи, оставшиеся без господ, жались по углам. Придворные дамы не выходили из покоев. Империя рушилась не с грохотом, а со скрипом рассыхающихся половиц.

Сталина провели в личный кабинет Николая.

Великий князь сидел за столом, заваленным бумагами, которые он уже не мог отправить. При его появлении Николай медленно поднялся. Он был высок, широкоплеч, его лицо с тяжёлым подбородком и холодными серыми глазами выражало мрачную решимость. На боку у него висела шпага.

— Полковник Пестель, — сухо произнёс Николай. — Или мне называть вас иначе?

— Называйте как угодно, ваше высочество. Титулы сегодня ничего не стоят.

— Вы арестованы.

Сталин усмехнулся и сел в кресло без приглашения.

— Кем? Вами? Позовите стражу.

Николай не стал звать. Он знал, что никто не придёт.

— Зачем вы здесь? Требовать капитуляции?

— Я здесь, чтобы предложить вам выход.

— У меня есть выход. Шпага и пуля.

— Это выход для офицера, проигравшего дуэль. Но вы не офицер, ваше высочество. Вы символ. А символ не имеет права на личную смерть.

Николай сжал кулаки.

— Вы захватили Сенат. Вы подкупили гвардию. Вы распространяете ложь. Вы мятежники.

— Мы единственные, кто сохранил государство, — спокойно возразил Сталин. — Когда ваш брат умер, страна повисла в воздухе. Чиновники разбежались. Генералы спрятались. Только мы вышли на улицы и сказали солдатам, что им делать. Без нас здесь была бы Пугачёвщина. Кровь, пожары, виселицы на каждой площади. Мы предотвратили это.

— Ценой предательства!

— Ценой порядка.

Сталин достал из кармана сложенный лист бумаги и положил его на стол.

— Прочтите.

Николай колебался секунду, потом взял лист.

Это был текст отречения. Короткий, сухой, юридически безупречный. Великий князь Николай Павлович, признавая невозможность сохранения самодержавной власти в её прежнем виде и во избежание междоусобной брани, отказывается от притязаний на престол и передаёт управление державой Временному верховному совету до созыва Учредительной палаты. Взамен ему и членам его семьи гарантируется личная безопасность, сохранение личного имущества и право выезда за границу.

Николай## (прочитал) и бросил бумагу на стол.

— Вы хотите, чтобы я подписал это?

— Я хочу, чтобы вы это подписали.

— Никогда.

— Подумайте, ваше высочество. Завтра мы опубликуем этот текст с вашей подписью. Если вы откажетесь, мы опубликуем другой текст. О том, что вы бежали. О том, что вы спрятались. О том, что вы трус, бросивший страну в беде. И страна поверит. Потому что страна верит тому, кто держит типографию.

Николай побледнел. Удар был точен.

— Вы шантажист.

— Я реалист. Посмотрите в окно. Там стоят полки. Ваши полки, ваше высочество. Гренадёрский, Финляндский, Московский. Они носят ваш мундир, но подчиняются нашим приказам. Потому что мы обещали им то, чего вы им никогда не обещали. Сокращение службы. Отмену шпицрутенгов. Вы можете вызвать их к окну и крикнуть: «Стреляйте в мятежников!» Как вы думаете, что они сделают?

Николай молчал. Он знал ответ.

— Они не выстрелят, — тихо сказал Сталин. — Они просто опустят ружья. И уйдут. А вы останетесь один. С вашей шпагой. И с вашим долгом.

Сталин встал.

— У вас есть ночь. Утром я пришлю за бумагой. Если её не будет, мы будем считать, что вы отказались от престола молча. И начнём действовать соответственно.

Он повернулся и пошёл к двери.

— Пестель! — окликнул его Николай.

Сталин остановился.

— Что будет с Россией?

Сталин не оборачивался.

— Россия будет жить, ваше высочество. Ей уже двести лет всё равно, кто сидит на троне. Главное, чтобы кто-то сидел.

Он вышел, оставив Николая одного в огромном, пустом кабинете, где тикали старые часы, отсчитывая последние часы самодержавия.

Внутренний голос Пестеля кричал:

Ты унизил его! Ты сломал человека!

Сталин шёл по гулким коридорам дворца и думал:

Я не сломал человека. Я сломал идею. Идея была слабой. Человек был прочнее.

Глава двенадцатая. Выбор гвардии

Утро одиннадцатого декабря выдалось морозным и ясным.

Нева стояла, покрытая первым крепким льдом. Над крышами висел розовый туман, и казалось, что город застыл в ожидании чего-то огромного и неизбежного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.